

Е. И. Зиновьева

КОНЦЕПТ «ВЕДАНИЯ» В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII вв.

В данной статье анализ концепта осуществляется с теоретических позиций семантико-когнитивного подхода к языку – семантика языка исследуется в ее связи с концептосферой народа, изучается соотношение семантических и когнитивных процессов и явлений¹. Исходный постулат этого подхода формулируется следующим образом: «описать концепт можно через анализ совокупности средств его языкового выражения»². Как справедливо отмечает Ю. Е. Прохоров, концепт «не есть „слово“ – концепт есть совокупность разноуровневых элементов, объединенных для обозначения определенного фрагмента картины мира»³. Поэтому, вслед за этим исследователем, нам представляется более точным говорить не о концепте «ведание», а о концепте «ведания».

Материалом для исследования послужили данные «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (СОРЯ) и картотеки данного словаря, использовались также сведения этимологического словаря русского языка (см. список использованных словарей и источников).

Семантическая доминанта заложена в корне слова и сохраняется во всех однокоренных словах соответствующей парадигмы, «обрастая» в каждом конкретном случае добавочными смыслами, созначениями, коннотациями. На базе исходного смысла (*conceptum*, по терминологии В. В. Колесова) формируются новые, исторически это происходит в пределах синтагмы, затем выходит на языковой уровень, что позволяет исследователям современного языка говорить не о центростремительной, а о центробежной силе имени концепта, соединяющей воедино другие семантические пространства, относя их к некоторому общему концептуальному пространству⁴.

Интересующий нас концепт «ведания» представлен в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. объемной словообразовательной парадигмой, синонимическими рядами, а также представительным количеством устойчивых словосочетаний. Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о номинативной плотности данного участка языковой системы, что является показателем актуальности вербализуемого концепта для сознания народа⁵.

По данным картотеки СОРЯ, существительное *ведание*, послужившее именем интересующего нас концепта, малоупотребительно в анализируемый период времени. Его основным значением является «обладание какими-либо сведениями, данными»: «А что мнѣ [Т. Джаквису] обявити тебѣ [Р. Фовелю] о том дѣле что есть меж гсдна Чапмана и гсдна Солнес... я бы обявил тебѣ доконешно по моему вѣданью, толко я болши тово не вѣдал про то дѣло» (В-К III, 97, 1646 г.). В форме множественного числа существительное выступает с оттенком значения «сведения»: «Держали нас в Кашинѣ на сежем дворе у перепишика спрашивають вѣдания что в полях четвертныя паши в селце Артѣмовѣ и в деревнях и в пустоشاх и что сенныхъ покосовъ» (Гр. № 223, XVII- н. XVIII в.).

Очень частотным и широко употребительным является глагол *ведать*. Как нам представляется, в семантической структуре этого глагола синкетично представлены те когнитивные структуры, которые в своей совокупности и образуют концепт «ведания» и которые в той или иной степени представлены во всей словообразовательной парадигме данного глагола, в однокоренных словах, синонимах и фразеологизмах. Поэтому проведем анализ, приняв за отправную точку именно глагол *ведать*, а на его фоне рассмотрим остальные слова, входящие в концептуальное поле «ведания». Необходимо отметить, что в интересующий нас хронологический период в языке достаточно частотен и церковно-книжный глагол *ведеть*, но он лишь отчасти совпадает по семантике со стилистически нейтральным глаголом *ведать*, отличающимся более широким семантическим объемом и функционированием в разных типах контекстов.

Основное значение *ведать* – «знать, иметь сведения о ком-л., чем-л.». В этом значении глагол встречается в памятниках различного характера: в деловых актах, в грамотках, в разговорниках, в составе пословиц, в былинах, например: «Взял есми у Анфима у Селиверстова сына вошвы, бархат... цену Анфим сам *ведает*» (АФЗХ II, 207, 1565 г.); «Яз *ведаю* торговца на твои товар хочеш его сюда приведу?» (Аноним. разг., 79, 1568 г.); «И отец его [Микитки] вдовои поп Левонтеи в то время в колокола по вспомощному (!) у своей цркви црковной колокола бил то мы *въдоямъ*» (Южн. члобитные, 147, 1645 г.); «Пощади Мартын Василевич сирату своего потому что скудень и бѣден хлѣбъ позябъ весь а инои снѣгомъ запал самъ ты *въдаеш* гсдрь» (Гр. № 136, 1696 г.); «И услышав царь Константин ис полаты, говорит богатырю своему Тугарину Змеевичю: „Вели позвать калик тех, слышу я их, кабы по речи русь пришла, попытаю я их о киевских вестях: либо что они *ведают*“» (Былины XVII–XVIII вв., 155, 2-я пол. XVII в.); «Гдѣ кто пообѣдает там все и *въдаетъ*» (Сим. Послов., 91, XVII в.).

Наряду с глаголом *ведать* в текстах XVI–XVII вв. встречается его синоним – *знать*. Но глагол *знать* является в данный период времени гораздо менее употребительным, чем *ведать*. Так, в «Слово и дело государевы», памятнике, строго фиксирующем устную речь допрашиваемых, при повсеместном употреблении глагола *ведать* случаи использования его синонима *знать* единичны. По нашим наблюдениям, глагол *ведать* в тексте данного памятника подразумевает владение информацией более общего характера, не обязательно полученной эмпирическим путем: «А какое твое государево дѣло женка Улька и губный цѣл. Потапко за собою *въдаютъ*, про то де, г., онъ, Кирюшка, подлинно не *въдаетъ*» (СиД, 30, 1626 г.). К тому же, вероятно, первоначально в качестве органа восприятия, обусловливающего использование глагола *ведать*, выступало зрение, имплицитно это представлено, например, в наличии устойчивого сочетания *не слыхать и не ведать*, где *не слыхать* дополняет и усиливает отрицание обладания какими-либо сведениями, отсутствие их получения не только по зрительному, но и по слуховому каналу: «И въ разспросныхъ рѣчахъ старца Иева написано: ... государева де дѣла за нимъ никакого нѣть и ни отъ кого въ Былгородѣ, и въ Курску ни про что *не слыхаль, и не въдаетъ*» (СиД, 12, 1624 г.); «И тюремный сидѣлецъ Ивашко Веприцковъ по г. крестному цѣлованью сказалъ, что онъ отъ Фирсика никакого государева дѣла *не слыхаль и не въдаетъ*» (Там же, 51, 1629 г.). Ср. также инверсию в этом сочетании – *не ведать и не слыхать*, т. е. изначально не обладать знаниями и не слышать ни от кого никакой информации: «Про то непригожее слово онъ, Ивашко Стрига, Темкѣ сказываль ли, про то они *не въдаютъ и не слыхали*» (Там же, 22, 1625 г.). Ср. также выражение *слух и ведом*, обозначавшее, вероятно, «то, что известно»: «И Новые Русы Пшаги Пятницкой священникъ Сава Тарасьевъ сказалъ по священству,

а староста Офоня Власовъ ...и всѣ посацкие люди Новые Русы Пшаги сказали по ...крестному целованью: слухъ, господине, нашъ и видомъ, охотникъ Ерохъ Шаневъ на Пшажскомъ яму въ охотникехъ быль» (ДТП II, 296, 1595 г.).

Интересно, что этимологически общеславянский глагол *ведать* связан с *видеть* (Фасмер I, 283). Любопытен также факт употребления глагола *ведеть* вместо глагола *видеть* в анализируемый нами период времени: «И я [Никита Леонтьев] ... пошел къ заутрене и стал на улицу воротишко отворят и ворота не отворяются ... и осмотрю (!) воротишко связаны болшие и малые вмѣсто веревкою пенковою и у колоколца веревка оторвана ... и я собрал стороннихъ людей и они то вѣдели и я имъ заявилъ» (МДБП, 87–88, 1647 г.).

Глагол *знать* используется в рассматриваемом памятнике в строго ограниченном количестве случаев, во-первых, когда речь идет о личном знакомстве с человеком: «И туть де зарубежный кр. Мартынка Гутуй велъль ему, Гордюшкъ, дать тому дьячку 4 алтына, а сказалъ: я де его знаю» (СиД, 278, 1636 г.). Во-вторых, глагол *знать* выступает при описании ситуаций, требующих наличия практического опыта говорящего, его, как правило, визуального наблюдения чего-либо: «Того жъ числа Ларинъ кр. Сибилева Якушко Кудиновъ въ разспросъ сказалъ: въ торгу де я въ великий пость не бываль, и старицы иноки Марфы Жилиной и въ рожей не знаю» (СиД, 74, 1633 г.); «И ст. к. Н. И. Одоевский да дьякъ Т. Бормосовъ велѣли съ Хутыня монастыря привести въ Новгородъ Степанкова отца духовнаго старца Иосифа, сына его Степанкова роднаго Федосейка для того, что отецъ его духовный, черный попъ Иосифъ и сынъ его Степанковъ Федосейка (!) его Степанкову ружу знаютъ, учился онъ, Федосейка, писать у отца своего у Степанка Митрофанова съ его письма» (Там же, 82, 1636 г.).

Высказанное предположение о дифференциации глаголов *знать* и *ведать* подтверждается случаями их использования в одном контексте: «И Михалко Булгаковъ, слушавъ твою г. грамоту, мнѣ, х. т. сказалъ: вѣдаетъ де онъ Михалко въ Козловскомъ уѣздѣ въ степи за рѣкою Мотырою, противъ Степанова помѣстя Вельяминова дер. Тафина въ дву мѣстахъ серебряную руду, а знаетъ де онъ, Михалко, подлинно, что та руда серебряная, потому что де онъ хаживалъ съ Дону съ казаки въ турскую землю и серебряную руду видаль» (СиД, 129, 1639 г.); «Рубаху даль Федька Миколаевъ по старой знати, что онъ съ нимъ быль на службѣ въ солдатахъ въ одномъ полку, и въ рожей его знаетъ; а котораго онъ города родиною и где его нынѣ сыскать, того онъ не вѣдаетъ» (Там же, 205, 1648 г.); «И сего жъ дни, часа за 4 или за 3 до вечера, тое онъ свою дѣвку поимать за Стрѣтенскими вороты во Переславской дорогѣ, въ Ямской слободѣ, у ямщика въ гумнѣ, а какъ ямщика зовутъ, того онъ не вѣдаетъ, тое-жъ слободы съ старостою и съ иными людьми, въ рожей ихъ знаетъ, а именъ ихъ не вѣдаетъ» (Там же, 69, 1632 г.) и др.

«Сдавивание» синонимов – привычного, устоявшегося в языке слова *ведать* и постепенно входящего в языковой обиход *знать* – в устойчивом сочетании *не знать, не ведать* имеет усиливательный характер и употребляется в различных по характеру памятниках XVI–XVII вв.: «А слугъ своихъ заповѣдывай о людехъ не переговаривати, и где въ людехъ были, и что видѣли недобро, того дома не сказывали бы, а что дома дѣтца, того бы въ людехъ не сказывали..., а о иномъ о чёмъ учнутъ спрашивати, того не отвѣчай и не вѣдаи и не знаи» (Дм., 43, XVI в.); «Я тебѣ не виновате, я у тебе запрусь / попрусь; напрасно ты меня клеплешь, не знаю, не вѣдаю» (Разг. Фенне, 292, 1607 г.); «И меня [О. Лаптева] бѣднова пытал [И. А. Аничков] и крѣстьянина твоево и в розспросе и с пытки тѣ же рѣчи ни знаем ни вѣдаем поклепаны напрасно» (ПНРЯ, 70, XVII в.); «И что ты гсдрь Федоръ Максимовичъ кручинисся на старостишку своево бутто

я сирота твои принимал бѣглых и я сирота твои *ни знаю не ведаю* принимал их прикащик» (ИНРЯ, 231, 1671 г.); «И въ разспросъ Илюшка Фроловъ сказалъ, что онъ такого слова у иноземца у Мартына Иванова *не слыхаль и не знаетъ, не въдаетъ*, только де язъ теперь и слышу» (СиД, 500, 1639 г.).

Знание, наука, ученость обозначаются однокоренным с глаголом *ведать* существительным *вежество*: «Недорого ништо дорого *въжество*» (Сим. Послов., 126, XVII).

Знание правил поведения эксплицировано во втором значении существительного *вежество* – «учтивость, почтение, предупредительность»: «А пошлеть Богъ у кого дѣти, сынове и дщери, и имѣти попечение отцу и матери о чадехъ своихъ, ... учiti ихъ страху Божию и *въжеству*, и всякому благочинию» (Дм., 28, XVI в.). Ср. однокоренные слова *вежливость, вежливо, вежливый*.

Люди, обладающие «веданием», недоступным другим, называются *ведун, ведунья, ведьма, вежливец*, они занимаются *ведунством* или *ведовством* – «знахарством, колдовством, ворожбой», способны *ведуновать* – «подчинять волшебной силе; зачаровывать». *Ведун* и *ведунья* могут иметь, а могут не иметь отрицательную коннотацию, *ведьма* всегда оценивается пейоративно, а *вежливец* – мелиоративно. См., например, в «Слово и дело государевы» два контекста, в первом из которых человек, знающий травы и имеющий при себе неизвестные коренья, называется *ведун*, а во втором, где речь идет о порче людей, *колдун*: «Въ нынѣшнемъ во 133 г. въ великий мясоѣдъ губныхъ дѣль сышникъ Иванъ Шастовъ – Полтевъ поймаль *въдуна* съ кореньемъ, Ивашкомъ зовутъ» (СиД, 13, 1625 г.); «Да онъ же, Шестачко, привезъ изъ-за Онѣга *колдуна Куземку Костянтина*, и нынѣ тотъ *колдунъ* въ монастырѣ въ служкахъ, злой воръ, не надобный портерщикъ» (Там же, 97, 1636 г.). Ср. также *ведьма*: «А блядям и видмам безчестия 2 денги против их промыслов» (Судебник 1589 г., 421) и *вежливец* – «человек, оберегающий на свадьбе молодых от порчи»: «Аника Детлев на той свадбе у него Родиона был в *вежливцах* а для обороны де с собою на тое свадбу чтоб ево Родиона и жену ево сторонние люди не испортили имал громовую стрелу да святую траву» (Сл. Перм. I, 68, 1705 г.).

Для языкового сознания важен факт известности чего-либо – *ведомый* – это «такой, о котором имеются сведения; которого знают; известный».

В письменных памятниках русского языка XVI–XVII вв. встречается синонимический ряд однокоренных наречий с общим значением «известно». В него входят следующие единицы: *вестимо, вестно, весто, ведомо, известно*.

В обиходном языке Московской Руси функционирует также ряд устойчивых словосочетаний: *быть в ведоме, быть в ведомости* – «быть известным»; *ведомо учиниться (объявиться) кому, весть учинится (учинилась), вестно учинилось* – «стало известно». А то, что известно, приобретает юридическую силу, отсюда возникновение правового терминосочетания *слаться в ведомо*: «А на суде ищя или ответчик *шлютца* на многие люди, на иных в слух, а на иных в виденья и в *ведомо*, а против того шлютца в послушество» (Уст. прик. кн., 364, 1556 г.).

Обладая знаниями, сведениями, очень важно иметь возможность их передачи другому лицу, важно поставить в известность другого, сообщить ему что-либо, известить о чем-либо. Данная интенция в обиходном языке XVI–XVII вв. вербализуется глаголом *вестить* – «извещать», а также целым рядом устойчивых словосочетаний, различных по грамматической структуре: *ведомо чинить (учинить) кому; ведомо давать; учинить в ведоме; дать (давать, чинить, учинить) ведомость кому; учинить ведение кому; дать (давать, подавать) ведать кому; возвестно чинить (доносить) кому; вестно давать,*

подавать (*подать*) кому; *сказать в вестях*; *весть учинить*; *вестно чинить* (*учинить*) что (*к*) кому, о ком, о чем; *вестимо чинить кому-л.*; буди *ведомо кому-л.* Ср. также усилительное *дать знать и ведать кому*.

Невозможность сообщить что-либо также специально обозначается устойчивым сочетанием – *сказать не ведает*: «Барабанщик Петрунка Ивановъ въ роспросъ винился: …тъ де деньги, взятые у него Петрунки, скоронены въ городѣ подъ башнею въ мошнѣ; а сколько денегъ взяли и сколько у него скоронено, и онъ де същетомъ *сказать не вѣдѣтъ*» (А. Кунг., 8, 1668 г.); «И в зборе, де, у него [чернеца] расколников из разных городов и мест мужеска полу и женска; жонок… девок и стариц, по смете человек со сто. А совершенно, де, он [Терешка Артемьев] *сказать не ведает*, потому, что, де он не считал, и во всех кельях не был» (Дело Артемьева, 243, 1695 г.).

Взаимный процесс обмена сведениями, информацией номинируется глаголами *ведаться* – «иметь дело, общаться»: «И в том *ведающа* меж себя государи сами, что будет меж их какое дело» (Ст. сп. Новосильцева, 92, 1570 г.) и *свеститься* – «поставив в известность, договориться»: «Да писал ты гсдрь княз Иван Дмитриевич ко мне холопу своему в своеи гсдреве грамоте велел выслати *свестяся* с вотчинами с Пурехом и з двемя Ландехи дватцат подвод на Ливны под запас» (Арх. Пожарских, 251, 1649 г.).

Для номинации сообщения, известия существует ряд синонимов: *ведение, ведом, ведомость, ведомство, вестка, весть*.

При помощи устойчивых сочетаний специальные названия получают достоверные сообщение, сведения: *подлинная ведомость, подлинный ведом*. Значение «знать наверное, точно» вербально эксплицируется при помощи плеонастического сочетания *ведомом ведать*.

Человек, передающий сообщения, называется *вестник, вестовщик*.

В качестве названий документов, содержащих сведения, выступают следующие существительные: *ведение* – «служебный документ», *ведомость* – «официальный документ, отчет, сводка».

Цель получения достоверных сведений находит вербальную презентацию в ряде устойчивых сочетаний: *для (подлинной) ведомости; для (подлинного) ведома; для вестей; по вестям (на вести) (посылать,ходить)* – последнее сочетание имеет значение «для получения сведений военного характера».

Действия, осуществляемые на основании полученных сведений, получают название *по вестям*: «И как царевичи поимали языков на Волге и сказали им [царю], что государевы воеводы многие были на Волге на Царицыне острову и пошли вверх; и царь де и турские люди *по тем вестем* пошли к Асторхани» (Ст. сп. Новосильцева, 66, 1570 г.).

Особо выделяются и вербально обозначаются ситуации, когда люди действуют, поставив в известность и получив согласие кого-либо на что-либо – *с ведома, и, наоборот – без ведомости, без ведома, без чьего-либо ведения*.

Типичная для исследуемого периода времени ситуация, когда человек бесследно исчезал, не оставив никаких известий о себе, получила стандартизированное обозначение *без вести (пропасть, сойти)* – «неизвестно каким образом, куда»: «Да тот жа гдъ Петрушка подговорил от меня племеника Ивашку и тот гсдрь Ивашка от Петрушкина подговору *пропал без вести* и от меня взял тот Ивашка кобылу гнеду шти лѣть» (Южн. члобитные, 48, 1628 г.); «И тот Ивашко не сыскань, *смоль безъ вести*» (А. посад. люд., 178, 1639 г.).

То же, о чем не остается сведений, оказывается забытым, ср. выражение *быть без вести*: «Рюрик [кн. Рюрик Ростиславич Смоленский] уже убо, разстрягшеся, многи

крови християнских пролия и святыя церкви и монастыри пограбя, и игуменов и попов и черньцов помучи и до конца княжения не може удръжати, но имя его *без вести бысть*» (Посл. Ив. Грозного, 16, 1564 г.).

Производным от первого значения является второе значение глагола *ведать* – «осознавать что-либо, отдавать себе отчет в чем-либо»: «Милость, государь, надъ нами... покажи, вину нашу отдаи, что мы противу тебя, государя, стояли, по грѣху по своему, *не вѣдающи*» (АИ II, 133, 1608 г.); «Языкъ говорить а голова и *не вѣдаетъ*» (Сим. Послов., 161, XVII в.); «Сам ты *не вѣдаешь*, что ты скажешь / болтаешь» (Разг. Фенне, 230, 1607 г.).

Физиологическая неспособность человека отдавать себе отчет в своих поступках, чувствах, отсутствие сознания обозначается устойчивым предложно-именным сочетанием *без ведания*: «А коли у человека голова заболит и явится огнь и учинится вес как пьян и лежит бѣз ведания как спит... и ты у того темя прожигай железом» (Леч. Котковой, 186, к. XVII в.).

Наречие *ведомово* означает «сознательно, умышленно» (Ридли, 78, 1599 г.).

В деловых актах частотно устойчивое сочетание *ведать государево дело за собою* – «признаваться в совершении преступления против государя, царя»: «И онъ, Еремка, сказалъ: ... послать де онъ тое челобитную къ тебѣ, г., къ Москвѣ въ томъ дѣлѣ, что онъ *вѣдаетъ* какое твое государево дѣло за собою» (СиД, 386, 1629 г.).

Первые два значения глагола *ведать* мотивируют появление третьего: наличие знаний, сведений, а также способности осознавать и отдавать себе отчет в чем-л. дает возможность управлять и распоряжаться кем-л./чем-л. В текстах деловых памятников глагол *ведать* функционирует в этом третьем, базирующемся на первых двух значениях – «управлять кем-, чем-л., иметь в своем ведении кого-, что-л.»: «И Иван сказал: „У нашего, господине, государя, царя и великого князя, Иван – человек приказной, печатник, да ему ж приказана государева казна *ведати* с казначеем с Никитою Фуниковым“» (Ст. сп. Новосильцева, 72, 1570 г.); «Короли *ведаютъ* мирские дела, а церковные дела *ведаетъ* папа» (Посл. Ив. Грозного, 227, 1581 г.); «Велели на Пензе быть и город и градских жителей *ведать* да твоего великого государя указу... отъютанту Петру Гаврилову сыну Дурову» (РД II-1, 454, 1670 г.).

Оттенок значения глагола *ведать* «распоряжаться кем-л.» наиболее ярко выступает в следующих контекстах: «А что о служивых людех города Лундена и тѣх в ту десят лѣть *вѣдати* господину городскому маेору и тutoшним думным людем» (В-К IV, 70, 1648 г.); «Велѣно слугъ и служебниковъ и вотчинныхъ крестьянъ и бобылей *вѣдать* въ приказѣ Большого Дворца» (А. Угл., 32, 1685 г.).

Выражение *вестная голова* становится термином, относящимся к области права – «человек, находящийся в бессрочном пожизненном холопстве», *вестный* здесь «известный, подлежащий учету, распоряжению»: «А тѣхъ своихъ новопоселенныхъ крестьянъ волно перевезти ись тое вотчины въ иные свои деревни, гдѣ онъ [Н. С. Хитрово] похочеть, или взять за всякую *весную голову* противъ указу в. г-рея» (Шумаков. Акты юрид., 13, 1683 г.).

Обладание административной и судебной властью обозначается устойчивыми сочетаниями *ведать и судить* кого, что и *ведать расправой* (*судом, судом и расправой*) кого, чего: «И по твоему государеву указу велѣно дать твоя государева грамота, что ему, Ивану Окуневу, ихъ дворянских людей и крестьянъ *не судить и не вѣдать* ни въ чемъ до твоего государева указу» (Пск. писц. кн. II, 382, 1638 г.); «А строить тотъ монастырь и служекъ и крестьян *расправою вѣдать* и отъ сторонъ оберегать Роману Акинфову»

(А. Угл., 8, 1683 г.); «Да по твоему, государь, указу во Псковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ судомъ велѣно вѣдати намъ, холопемъ твоимъ» (Пск. писц. кн. II, 39, 1632 г.); «Не вели гсдрь [царь Федор Алексеевич] веневскому воеводѣ Даниле Головачеву тулскихъ моих [И. А. Бутурлина] вотчинак... и коширской дрвнишки Ступищъ и веневской дрвнишки Тетеркиною судом и росправою вѣдати в каких делѣх а ведат вели гсдрь во всем на Туле тулскому воеводѣ» (МДБП, 101, 1678 г.).

Значение «подлежать управлению какого-л. Учреждения» вербализуется устойчивым сочетанием *быть ведомым где-л.*, а «находящийся в административном и судебном подчинении у кого-л.» сочетаниями *ведом и судим и ведом судом и управой*.

Рассматриваемое значение глагола *ведать* порождает в языке XVI–XVII вв. терминологические значения производных слов, например, *ведаться* – «относиться куда-л. в административно-хозяйственном отношении» и «вести тяжбу (в суде)»; *ведомый (в чем)*, только в краткой форме имеет значение «находящийся в подчинении, управлении какого-л. учреждения, относящийся куда-л. в административно-хозяйственном отношении».

Обладание властью предполагает надзор за сохранностью вверенного, отсюда оттенок значения глагола *ведать* «надзирать за чем-л., следить за сохранностью, безопасностью чего-л.»: «Осадные же воеводы... и дворяне [приговорили]... что покрепити бы град осадою... и разделити градския стены... да всяк кожно их *ведает* и хранит свою страну» (Сказ. Авр. Пал., 133, н. XVII в.); «А мне отец духовной был; я у нево все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я *ведаю церковь*» (Авв. Ж., 65, 1675 г.); «Пиръ дѣлать пожитки свои *вѣдать*» (Сим. Послов., 133, XVII в.). Этот оттенок значения глагола *ведать* эксплицируется и усиливается в составе устойчивого сочетания *ведать и беречь*: «И *вѣдали и берегли* тотъ монастырь [Верхне-Островский] и надъ священники и надъ братею надзирали Печерского монастыря игумень съ братею» (Гр. Фед. Ив., 575, 1595 г.); «И та лишия земля... приказана *вѣдати и беречь* тutoшнимъ и старонним людем» (Курск. отк. кн., 152, 1636 г.).

Право распоряжаться особенно логично, если распоряжаются тем, чем владеют. Значение глагола *ведать* «владеть чем-л.; иметь что-л. во владении» часто в деловых контекстах неотделимо от значения «распоряжаться по своему усмотрению»: «А другой половины той речки [Палицы] *ведают* терские лопари, то им межа» (А. Солов. м., 69, 1575 г.); «А которым лесом за рекою за Песочнею истари владели к монастырской деревне Побужьи... и тем лесом *ведати* по прежнему по верховому оброку вопче ж» (АФЗХ II, 455, 1599 г.).

Таким образом, проведенный анализ показывает следующее.

Ядро концепта «ведания» в обиходном языке в интересующий нас период времени формирует такой концептуальный признак, как «обладание знаниями, сведениями». Вербально этот признак эксплицируется следующими лексемами – *ведать, ведеть, знать и ведание*. При этом *ведать* и *ведеть* различаются стилистически, тогда как между *знать* и *ведать* существуют более сложные отношения. *Ведать* предполагает владение информацией более общего характера, а употребление глагола *знать* часто обосновано наличием личного знакомства с объектом, эмпирическим опытом и визуальным наблюдением объекта (то, что первично, этимологически прослеживается в глаголе *ведать*). В околоядерном пространстве концепта находятся сами знания, информация, сведения, наука. Вербально они презентированы такими словами, как *вежество, ведунство, ведовство*. Знания диктуют правила поведения, отсюда *вежливость*. *Ведунство* и *ведовство* обозначают знания, которыми владеют не все носители языка. Соответственно выделяются и люди, носители подобных знаний, и существительные–наименования этих лиц – *ведун, ведунья, ведьма*,

вежливец. Чуть дальше от ядра находится концептуальный признак «известность, общедоступность сведений». Он богато репрезентирован в языке, например, синонимическим рядом однокоренных наречий *вестимо, вестно, весто, ведомо, известно*, целой серией устойчивых сочетаний, например, *быть в ведоме, ведомо учиниться (объявиться) кому, весть учинится (учинилась), вестно учинилось* и др. Известность имеет юридическую силу — *слаться в ведомо*. Для языкового сознания важна также возможность передачи сведений: *вестить, ведомо чинить (учинить), ведомо давать, ведаться, свеститься* и многие др. Важно дать номинацию известиям — *ведение, ведом, ведомость, ведомство, вестка, весть, установить подлинность и достоверность информации — подлинная ведомость, подлинный ведом, ведомом ведать* и др. Очень значимо отсутствие информации — *без вести*. Наличие информации позволяет действовать, согласно полученным сведениям — *по вестям*, или с чьего-то одобрения или при чьем-то неведении: *с ведома, без ведома* и др.

Периферическими кругами от ядра концепта расходятся следующие три концептуальных признака: «осознанность знаний, способность отдавать себе отчет» (верbalная репрезентация — *ведать, без ведания, ведать государево дело (слово) за собою*); «обладая знаниями, управлять, распоряжаться» (*ведать, вестная голова, ведать и судить, быть ведомым, ведаться, ведать и беречь* и др.), и, наконец, «владение», поскольку власть и владение тесно связаны.

Следовательно, результаты анализа позволяют сделать следующий предварительный вывод: одно концептуальное пространство (обладание знаниями) связывает воедино несколько семантических — *сведения, поведение, обмен информацией, осознанность, власть, владение*. Данный вывод нуждается, конечно, в дальнейшей проверке и аргументации.

¹ Стернин И. А. Методика лингвоконцептологического анализа // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. СПб., 2006. Вып. VIII. С. 8.

² Там же.

³ Прохоров Ю. Е. В поисках имени концепта... // Русский язык за рубежом. 2005. № 3–4. С. 70.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ См.: Карасик В. И. Языковой круг. М., 2002. С. 111; а также работы И. А. Стернина, С. Г. Воркачева.

Список сокращенных наименований источников

- Авв. Ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск, 1990.
- АИ — Акты исторические, собр. и изд. Археограф. ком.: В 5 т. СПб., 1841–1842.
- А. Кунг. — Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.). СПб., 1888.
- Аноним. разг. — «*Ein Rusch Boeck...*»: Ein Russisch-Deutsches anonyms Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Falowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.
- Арх. Пожарских — Das Hausarchiv der Fürsten Pozarskij. Documente zur Geschichte russischer Güter 1633–1652. Herausgegeben und kommentiert von Maritta Schmücker-Breloer. Köln; Weimar; Wien, 1996.
- А. Солов. м. — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1990.
- А. Угл. — Шумаков С. Угличские акты (1400–1749) // ЧОИДР. 1899. Кн. I.
- Былины XVII–XVIII вв. — Былины записях и пересказах XVII–XVIII вв. М.; Л., 1960.
- В-К III — Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. М., 1980.
- В-К IV — Вести-Куранты. 1648–1650 гг. М., 1983.
- Гр. — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Гр. Фед. Ив. — Грамота царя Федора Ивановича от 1595 г. о передаче Верхне-Островского приписного монастыря Печерскому монастырю // Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле // ЧОИДР. М., 1908. Кн. IV. С. 574–575.

Дело Артемьева — Дело об олонецком раскольнике Терешке Артемьеве. 1695 г. [в статье Н. С. Демковой О начале Выговской пустыни] // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985.

Дм. — Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.

ДТП — Дела Тайного приказа: В 2 т. СПб., 1907–1908.

ИНРЯ — Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.

Курск. отк. кн. — Курская отказная книга. 1630–1654 гг. // Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.

Леч. Котковой — Лечебник последней трети XVII в. / Изд. Н. С. Коткова // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М., 1991.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

ПНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.

Посл. Ив. Грозного — Послания Ивана Грозного / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

Пск. писц. кн. — Псков и его пригороды. Кн. I // Сб. Москов. Архива министерства юстиции. М., 1913. Т. 5. Кн. II; М., 1914. Т. 6.

Разг. Фенне — Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. Copenhagen, 1970.

РД II — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1957, 1959. Т. 2.

Ридли — A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue. Attributed to Mark Ridley. Edited from the late sixteenth-century manuscripts and with an introduction by Gerald Stone. Köln; Weimar; Wien, 1996.

СиД — Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. 1911. Т. 14. Сим. Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. СПб., 1899. Т. 66. № 7.

Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицина / Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. (1620 г., сп. XVII в.).

Сл. Перм. — Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Пермь, 1993–2001. Вып. 1–6.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2004 Вып. I; СПб., 2006.

Ст. сп. Новосильцева — Статейный список Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.

Судебник 1589 г. — Судебник 1589 года // Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952.

Уст. прик. кн. — Уставная книга Поместного приказа; Уставная книга Разбойного приказа // ПРП. М., 1959. Вып. 5.

Фасмер — Этимологический словарь русского языка: В 14 т. М., 1986–1987.

Шумаков — Шумаков С. Юридические акты (1659–1700 гг.) // ЧОИДР. 1908. Кн. 4. Отд. 1.

Южн. Челобитные — Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов. М., 1993.